

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340.12
ББК 67.0

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ПРАВОСОЗНАНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Д. В. Абакумова

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики – филиал
(Барнаул, Россия)*

А. С. Соколов, А. И. Тютюк

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье проводится всесторонний анализ роли образования в формировании правосознания индивида. Авторы рассматривают современные подходы к юридическому образованию, выявляя их сильные и слабые стороны в условиях меняющегося социокультурного и правового ландшафта. Особое внимание уделяется способности образовательных систем адаптироваться к новым вызовам, таким как глобализация, развитие технологий и усиление транснациональных правовых процессов. Статья предлагает критический взгляд на существующие методы преподавания и их соответствие потребностям будущих специалистов, вступающих в правовое поле. Авторы призывают к реформированию образовательных программ, уделяя особое внимание развитию критического мышления и умению адаптироваться к сложным и динамичным правовым ситуациям.

Ключевые слова: юридическое образование, управленческая роль юристов, правовая культура, демократические и правовые основы, механизмы реализации, национальная демократия, нравственные критерии, справедливость, нравственные добродетели, гуманизм, человечность.

EDUCATION AS THE BASIS OF LEGAL AWARENESS: A CRITICAL LOOK AT LEGAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES

D. V. Abakumova,

St. Petersburg University of Management and Economics Technologies (Barnaul, Russia)

A. S. Sokolov, A. I. Tyutyuk

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article provides a comprehensive analysis of the role of education in the formation of an individual's legal consciousness. The author examines modern approaches to legal education, identifying their strengths and weaknesses in a changing socio-cultural and legal landscape. Special attention is paid to the ability of educational systems to adapt to new challenges, such as globalization, technology development and the strengthening of transnational legal processes. The article offers a critical look at existing teaching methods

and their compliance with the needs of future specialists entering the legal field. The author calls for the reform of educational programs, paying special attention to the development of critical thinking and the ability to adapt to complex and dynamic legal situations.

Keywords: legal education, the managerial role of lawyers, legal culture, democratic and legal foundations, mechanisms of implementation, national democracy, moral criteria, justice, moral virtues, humanism, humanity, enlightenment, moral principles, principles of education, accessibility, free of charge, obligation, standardization, self-education, educational paradigms, knowledge, skills, skills, professional legal awareness, federal standards.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.1)

Конституция Российской Федерации [1] не является оригинальной в деле декларирования демократических и правовых основ государственного строя, которые традиционно держатся на проработанных механизмах своей реализации, что на практике отличает одну национальную демократию и право от других. Еще во времена Аристотеля существовали демократии, уравнивающие по справедливости долю в общественном участии граждан, хотя сам мудрец придерживался позиции понимания справедливости как равного по достоинству и добродетели. Поэтому очевидно, что демократизм в идеалах философа формировался под влиянием личных духовных качеств всех нравственно достойных людей, причастных к управлению государством [24, с. 486].

Рассуждая о нравственных критериях, древние опирались на стремление людей к благу с помощью философии, которая, по мнению Цицерона, «выпальвает в душе пороки, избавляет от страстей, учит почитанию справедливости» [25, с. 230, с. 255] через воспитание таких нравственных добродетелей, как разумный гуманизм и человечность. Последняя обозначает цивилизованную форму общежития людей во многом благодаря образованности и просвещению в соединении с развитыми моральными принципами. Эти принципы, не являющиеся врожденными и состоящие из положительных нравственных качеств характера, в аристотелевской праксиологии должны опираться на «воспитание в добродетели». Приобретение таких качеств происходит в процессе социального воспитания и стремления человека к обузданию страстей, что реализуется только в практическом обучении, т. е. в образовательной деятельности [7, с. 76].

С тех пор личные качества граждан определяют соблюдение возложенных на алтарь свободы демократических принципов, добытых достижениями великих западных революций. Однако западная демократия, как и юридическая наука, по словам Г. Дж. Бермана, давно находится в тотальном кризисе [10, с. 52]. Но это кризис, полагаем, не только либерально-правовых ценностей, а также государственного управления, имеет политическую первопричину. Думается, именно повышение качества образования, в особенности юридического, и управленческой, а не сугубо инструментальной роли юристов в обществе должно стать выходом из неизбежности предрекаемых Г. Дж. Берманом повсеместных революционных трансформаций и защиты классических идеалов демократии через эволюцию образования и нравственного воспитания. Именно юристы должны нести свет просвещения, повышая уровень правовой культуры населения, для чего им самим следует обладать качествами конфуцианского «благородного мужа».

В связи с этим основной целью данной статьи является анализ основных проблем современного юридического профессионального образования, предложение путей их решения как в управлении образовательным процессом, так и в содержании педагогической деятельности.

Учитывая необходимость юристов осуществлять просветительскую функцию, предусмотрительным является то, что Конституция России уделяет столько внимания принципам общедоступности, бесплатности, обязательности и стандартизации образования, оставляя при этом право на выбор самообразования. Однако, отвечая на вопрос о том, что такое образование, вряд ли стоит ограничиваться компилятивной дефиницией законодателя в одноименном Законе «Об образовании» № 273-ФЗ [3], охватившей чуть ли не все известные образовательные парадигмы. Многие доктринальные определения понятия «образование» наряду с законодательным кажутся более скомканными, повторяя «зуновские» (знания, умения и навыки) конструкции с наложением «мировоззренческих и нравственных идей» [13, с. 15] без учета аспекта образования как процесса. Дру-

гие авторы, наоборот, идут по пути законодателя, определяя образование как процесс и результат усвоения этого комплексного понятия (зун) или как «педагогический процесс воздействия на сознание людей» [14, с. 88]. Также считают, что правовое образование — это основанная на правовой идее встроенная в образовательный процесс система воспитательных и обучающих действий [15, с. 211]. В результате сущность правового образования с позиции правоведов дополняется только особостью получаемых зунов с правовой нагрузкой, а также целью формирования профессионального юридического правосознания.

Из проведенного анализа можно выделить некие общие признаки образования, характерные в том числе и для законодательного его понимания, включающего процесс передачи зунов (компетентностный подход), результат их усвоения, понимание образования как социального блага и средства жизнедеятельности в роли мировоззренческого компаса. Однако не стоит также забывать, что образование — это «не только обучение, но и воспитание» [12, с. 146]. Юрист должен знать не только техническую сторону правовой жизни, но и принципиально придерживаться культурно-этических норм в профессиональной деятельности. Это отвечает тенденции стремления к гуманитаризации образования еще и в свете закрепления законодателем более трети универсальных компетенций межличностного, культурного характера в федеральных стандартах.

Также юридическое образование представляет собой основу для обеспечения правовой системы и защиты прав человека. Область юриспруденции, в основном, характеризуется консервативным подходом, что требует изменений в организации обучения в соответствии с новыми, в особенности цифровыми технологиями.

Будущий юрист, еще в качестве абитуриента должен представлять себе дорожную карту — путь, который ему предстоит пройти от поступления в образовательную организацию до трудоустройства. Путь этот регламентируется в соответствии с нормативно-правовой базой Федерального закона «Об образовании», который в развитие принципов ст. 43 Конституции Российской Федерации в качестве правовой основы устанавливает систему и стандартизацию образования в пределах ведения федеральной компетенции. Указанный закон предполагает получение образования через обучение, т. е. организацию образовательного процесса по овладению знаниями, умениями и навыками, опытом, подтвержденными соответствующим уровнем завершенности с целью получения квалификации для выполнения профессиональной деятельности.

Основной целью обучения, в том числе юриста, является также процесс воспитания, направленный на социализацию и формирование мировоззрения личности, закладывающих построение профессионального правосознания. Такое правосознание в отличие от обыденного характеризуется обладанием системой юридических знаний, традиций и чувств. Формируются они не только под воздействием пропаганды правил общежития, соблюдения взаимных прав и обязанностей, а также равного доступа к юридическим услугам как-то декларируют ст. 7 Основ госполитики ПР-№ 1168 [5] и реального состояния законности, достигаемого в том числе за счет уровня подготовки квалифицированных юридических кадров. Подготовка в процессе обучения при получении среднего (далее — СПО) и высшего (далее — ВПО) профессионального, в том числе юридического, образования в России стандартизируется различными федеральными государственными образовательными стандартами (далее — ФГОС) по уровням, а также отдельными стандартами некоторых государственных организаций.

К каждому уровню образования в рамках соответствующего ФГОС предъявляются требования к реализации основных образовательных программ (далее — ООП), реализуемых образовательными учреждениями. СПО по юридическим направлениям подготовки регламентируется еще действующим по специальности Правоохранительная деятельность, а также новым стандартом по специальности «Юриспруденция». Последний включил шесть видов деятельности, объединив в себе действовавшие до 31.12.2023 года стандарты в области обеспечения судопроизводства и социальной защиты. ВПО, в свою очередь, регулируется на основе стандартов бакалавриата, направлений специалитета, магистратуры и аспирантуры. Отличия в сравнении стандартов между средним и высшим профессиональным образованием местами существенные. Так, например, новый стандарт СПО позволяет образовательной организации разрабатывать и использовать образовательную программу на базе основного общего образования с учетом требований стандарта среднего общего образования. Однако стандарт СПО по сравнению, например, с бакалавриатом вместо схожих задач закрепляет освоение частично

одноименных видов профессиональной деятельности (правоприменительной и правоохранительной) и частично впитанных из предыдущих стандартов СПО по соответствующим видам деятельности.

Особенностью указанных видов деятельности является ориентация на практическую подготовку учащихся с учетом получаемой специальности в той же области профессиональной деятельности (юриспруденция) в случае соответствия требованиям к квалификации работника. Поэтому стандарты СПО в отличие от высшего образования юристов напрямую формулируют профессиональные компетенции для каждого вида деятельности, оставляя перечень открытым для дополнения образовательными организациями.

Требования к квалификации работника согласно ст. 195.1 Трудового кодекса Российской Федерации [2] прописываются в содержащих характеристику его квалификации профессиональных стандартах, необходимых для выполнения определенного вида профессиональной деятельности. Понятие профстандарта впервые закрепилось больше 20 лет назад в Программе социальных реформ с целью связи образования и рынка труда, условия которого должны учитываться при разработке ФГОСов, программ образования через компетентностный подход.

Методические рекомендации Минтруда к проекту профстандарта, разрабатываемого при участии работодателей (профсоюзов), устанавливают градацию требований для девяти уровней квалификации работника, ставя в зависимость его полномочия и ответственность от имеющихся у него знаний и умений, получаемых при освоении образовательных программ. Освоение такой программы, например, по стандартам СПО предполагает обладание необходимыми профессиональными компетенциями в соответствии с профессиональным стандартом с учетом освоения любого из шести видов профессиональной деятельности. При этом стандарт ВПО такие профкомпетенции не определяет, оставляя их формирование на усмотрение организаций образования с учетом опять же профессиональных стандартов, которые до сих пор выработаны работодателями не для всех юридических направлений деятельности. Отметим, что в соответствии с Постановлением Правительства № 584 применение таких профессиональных стандартов «в части требования к квалификации работника» обязательно для организаций, доля участия в уставном капитале в которых хотя бы наполовину принадлежит государству, оставляя для остальных негосударственных организаций рекомендательный характер.

На данный момент реестр профстандартов в сфере юриспруденции содержит 4 позиции, разработанные по инициативе следственного комитета и торгово-промышленной палаты России, что предполагает их неоднозначную оценку по содержанию. Например, минимальным порогом вхождения на должность криминалиста является уровень ВПО специалитет или магистратура с требованиями к выполнению около 50 необходимых трудовых действий сотрудника, обладанием около 200 умений и знанием более 300 теоретических вопросов. Очевидно, что работодатель как соразработчик в качестве контрольно-надзорной инстанции заинтересован обеспечивать выявление и соблюдение требований профстандартов. Это объясняет желание работодателей видеть у своих сотрудников нередко больше минимального набора вузовских компетенций в рамках сдачи квалификационного экзамена для занятия вакантной должности. Возникает неизбежный разрыв между полученными знаниями и отсутствием опыта у новоиспеченного выпускника. Последний мог бы стать профессионалом по практикоориентированным направлениям СПО и специалитета, а не просто «разносторонне развитой личностью» [8, с. 200], хотя одно другому не мешает. Поэтому само по себе наличие диплома как доказательство завершения освоения программы соответствующего уровня образования еще не гарантирует соответствие кандидата предъявляемым профессиональным требованиям.

Ситуация усугубляется, кроме того, наивной оценкой студентом качества документа об образовании в зависимости от «престижности» учреждения или наличия хорошей успеваемости, которые якобы дадут возможность трудоустройства в любое место и время безотносительно конкуренции специалистов и наличия рабочих мест в соответствующей сфере деятельности и регионе. Однако, рынок требований к специалистам не слишком гибок — работодатели ведут свою «игру» в профстандартизацию, потребность разработки которой объясняется размытостью профессиональных компетенций, ведь им нужны специалисты с конкретным приложением опыта.

Опыт и навыки, бесспорно, легче накладываются на хорошо усвоенную теорию, а потому более гибкой, по словам главы Минобрнауки России Валерия Фалькова, должна быть и сама система образования, которую изначально было предложено реформировать на площадке Российского Союза Рек-

торов с тем, чтобы «развести образовательную степень и профессиональные квалификации. При этом образование должно держать баланс между фундаментальностью и применимостью знаний в условиях меняющихся задач на рынке труда. Он добавил, что сегодня высшему образованию не хватает практикоориентированности» [20].

Так считает и Президент Российской Федерации, который своим Указом от 12.05.2023 года №343 [4], а вслед за ним и Правительство Российской Федерации в Постановлении от 09.08.2023 года № 1302 утвердили доводы ректоров, запланировав с 2023 года по 2026 годы ежегодную поэтапную апробацию очередной реформы высшего образования в рамках так называемого пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования. Нововведения коснутся в основном сроков и трехступенчатой структуры, поскольку предлагается установить два уровня высшего образования — базовое, объединяющее бывшие бакалавриат и специалитет с вариативностью сроков обучения от 4 до 6 лет, и специализированное высшее, включающее реализацию программ магистратуры, ординатуры и ассистентуры-стажировки на период 1–3 года.

Отдельным, фактически третьим уровнем в Указе Президента Российской Федерации, а в постановлении Правительства Российской Федерации [6] третьим подпунктом «в» в части 2 выделяется высшее профессиональное образование — аспирантура, где будут готовиться кадры для научной и преподавательской деятельности. Кроме того, предполагается на конкурсной основе бесплатно получить специализированное высшее образование при наличии базового, где последующее теперь не будет считаться вторым высшим, однако не все вузы смогут его реализовывать, требования к набору ужесточат, да и предыдущая базовая специальность должна быть как минимум смежной.

По словам Президента из обращения к Федеральному Собранию это «синтез того лучшего, что было в советской системе», но «не возврат к прошлому», — как на то возразил министр В. Фальков. Видятся во всем этом некие декларативные нотки о намерении построить свою автономную национальную образовательную систему с более гибкой компетентностной моделью выпускника. С 1 сентября 2023 года этот пробный пилотный проект уже реализуется, но лишь в шести университетах, и пока рано говорить, когда мы заметим ожидаемые результаты за синтезом уровней, целесообразным растягиванием сроков и затянувшегося запрета доступа в профессию из другой базовой специальности. Но именно в этом и кроются практические перспективы подготовки специалистов, которые по словам ректора участвующего в пилотном проекте Томского государственного университета Э. В. Галажинского заключаются в перераспределении бюджета, оптимизации сроков и преемственной связи с соответствующим базовым образованием: «Например, для подготовки генетиков нового поколения необходимо минимум 800 тысяч рублей, а по нормативу полагается 200 тысяч. Новая модель системы образования будет более гибкой и позволит снимать подобные противоречия... В некоторых программах появится зависимость от базового образования, например, в магистратуру «Юридическая лингвистика» будут принимать только тех, у кого базовое образование — филологическое. Это позволит нам сократить время подготовки до одного года и быстрее выпустить специалистов на рынок» [21].

Между тем, основным атрибутом профессиональной деятельности и ее субъекта как обладателя профессионального правосознания является особый набор признаков юридического мышления. Но как объективно определить степень развития такого мышления и вообще компетенций у юриста? Такое мышление, развиваемое на базе заложенного в ООП компетентностного подхода, относится к умению применять прежде всего частноправовую («формально-логическую» [11, с. 98]) методологию в сфере и процессе разрешения правоотношений. Например, в стандартах бакалавриата и магистратуры за это отвечают общие требования о планировании результатов обучения по конкретным дисциплинам, соотношенные с индикаторами достижения в особенности таких компетенций, как системное и критическое мышление, а также большинства общепрофессиональных компетенций. Профессиональные компетенции, в свою очередь, ВПО не определяет, возлагая их разработку организациями образования самостоятельно, однако, в том числе и в соответствии с упомянутыми 4-мя профессиональными стандартами на сайте Минтруда.

Возникает вопрос об адекватности и даже правомерности возложения ФГОСами обязанностей по разработке образовательными организациями ООП, профессиональных компетенций (для ВПО) и индикаторов их достижения. Все это ведет к чрезмерной дискреции полномочий организаций на местах, из деятельности которых Министерству образования стоило бы обобщать свою практику

разъяснения рекомендаций по соответствующим самостоятельно разрабатываемым направлениям ООП или закрепить общие шаблоны по аналогии с другими разделами.

Государство устанавливает стандарты, а образовательные учреждения реализуют их, стараясь учитывать запросы рынка труда, спрос потребителей юридических услуг и вытекающие отсюда требования работодателей к должностным профессиональным компетенциям. Возникает чувство антисократического стремления «к жизни без исследования» [19, с. 69], когда нивелируется самостоятельный выбор условий образования и характера профессии среди лишь доступных вакансий, ведь предъявляемые профессиональные качества зунковского человека рассматривают его как объект, товар на рынке труда, который повсюду стандартизирован.

Отдушиной этой плачевной тенденции являются образовательные организации, утяжеляющие долю профилирования в противовес общеправовой подготовке. Это положительно касается и обогащения учебного плана практикой внедрения междисциплинарных связей вроде социологии права, юридической психологии, этики, философии и др., однако, нередко с натяжкой их соответствия формируемым фгосовским компетенциям. Кроме того, отдельные педагоги пытаются интегративно лавировать между «субъект-объект-субъектными» парадигмами, благородно пользуясь своим правом свободного выбора и использования форм, средств, методов обучения. Другие несколько этим правом злоупотребляют, предпочитая интерактивному взаимодействию единственную привычную за десятилетия стажа работы форму бесед при проведении лекций и семинаров. Возникает проблема оценки качества юридического образования, что в первую очередь относится к уровню педагогической подготовки работников профессионального образования. Предлагается в т. ч. учитывать разнообразие форм и методов преподавания, количество и цитируемость научных публикаций [23, с. 182], и даже наиболее продуктивный возраст в пределах 40 лет для занятия научной деятельностью. Кроме того, к условиям формирования педагогического профессионализма относят в особенности «достойный уровень жизни преподавателей, материальное обеспечение организации учебного процесса» [26, с. 114], ведь основная проблема кроется именно в недофинансировании, из-за чего наиболее продуктивные научные кадры наряду с талантливыми выпускниками предпочитают сферу бизнеса на иных специальностях.

Примечательно, что и многие абитуриенты не отличаются разборчивостью при выборе направлений обучения — они редко учитывают планируемую организацией эффективность реализации ООП, не отдавая себе отчет в том, насколько им действительно необходим тот или иной набор прилагаемых дисциплин. В действительности все еще хуже: так, например, секретарь приемной комиссии Челябинского института культуры А. Штолер в результате опроса сообщает, что почти никто из абитуриентов не дочитывает хотя бы название подписываемых документов до конца и «в большинстве случаев дети даже не вникают ни в процедуру приема, ни в характеристику образовательной программы, которую они выбирают» [18]. Помимо простого безразличия это также объясняется отсутствием специальных знаний в области стандартизации образования, образовательного права, ведь соответствующие курсы преподаются в основном на педагогических и юридических направлениях ООП, тогда как выбор профессии и подходящего одноименного направления обучения обусловлен факторами достижения успешности, развития и оплаты труда [19, с. 915]. Поэтому в лучшем случае студенты узнают об этом на собственном опыте уже после поступления на первых курсах обучения и лишь единицам по соответствующим ОПП раскрывается весь механизм необходимости формирования компетенций, подтягивания ЗУНов к профстандартам их будущей профессии.

Проблема актуализируется также нехваткой и учетом в ООП таких нужных практикующим юристам интерактивных форм и методов обучения, как превалирование занятий в виде семинаров-дискуссий, case-study, практикумов по изучению юридического письма и составлению документов, практики применения толкования норм и квалификации казусов, способов разрешения правовых коллизий. Делать это, считаем, необходимо в стенах образовательной организации, юридических клиник, в рамках изучения судебных процессов, целенаправленно уделяя выделяя время и объем для соответствующих практических занятий, поскольку содержание отведенных для этого учебной и производственной практик зачастую носит весьма формальный характер секретарской работы.

Примером такой практической деятельности студентов может служить опыт магистрантов из СФУ по направлению «Адвокат в судебном процессе», которые со дня поступления в вуз проходят непрерывную практику в адвокатском образовании. При этом вузе существует и юридическая клини-

ка для прохождения производственной практики — юридического консультирования, где студенты готовятся к решению «профессиональных задач — юридическому анализу, толкованию права, юридической аргументации, юридическому письму, а граждане получают квалифицированную помощь, качество оказания которой контролируется преподавателем-наставником» [16, с. 101]. Однако воспитание профессионала не ограничивается умением пользоваться правовыми средствами, знанием юридической техники, формированием профессионального правосознания на поле ограниченной предметной деятельности. Юристу, на наш взгляд, необходимо обзавестись активной гражданской позицией с соблюдением принципов профессиональной этики особенно в части пренебрежительного отношения к правонарушениям и влекущему к ним делинквентному поведению, а также своевременного распознавания и упразднения коррупциогенных факторов. В добавок, на самом высоком уровне правотворчества, по мнению профессора Баранова, стоит демократически трансформировать сложившийся авторитарный подход к деятельности юриста как проводника властной воли, учитывая менталитет, формирование чувства законности, различение интересов элиты от государственных и общественных потребностей [9, с. 26].

Из вышесказанного напрашиваются определенные выводы и предложения, направленные на преодоление проблем при формировании профессионализма в сфере юридического образования.

Начать это преодоление предлагается с реализации компетентностного подхода на всех уровнях, включая педагогических работников, которые в первую очередь сами должны обладать соответствующими компетенциями, а образовательная программа раскрывать их механизм формирования для студентов в рамках специальной обязательной дисциплины (введение в специальность) на первых курсах обучения.

С позиции оценивания образовательной деятельности, как-то предусматривается фгосами, необходимо сделать внешнюю (аккредитационную) оценку обязательной и связать ее с внутренней оценкой обучающихся на основе обобщающего коэффициента, отражающего корреляцию между ними.

Следующее предложение касается финансирования в первую очередь во многом отсталой материальной базы образовательных организаций и непрерывного повышения квалификации педагогических кадров, установления им достойных зарплат, а также финансового обеспечения организаций из бюджета специализированных фондов без «обезличивания налоговых источников» [22, с. 32], в том числе за счет привлечения средств работодателей и бизнеса (возможно в форме государственно-частного партнерства), заинтересованных в получении на выходе конкурентоспособных кадров.

Также предлагаем осуществлять периодическую практику разъяснения Минобром в виде рекомендаций по разработке организациями образования соответствующих ООП, профессиональных компетенций и индикаторов их достижения с одновременным обзором удачных и неудачных примеров, разрабатывать и внедрять их типовые шаблоны.

Таким образом, современные вызовы требуют переосмысления юридического образования, которое должно не только передавать знания, но и способствовать нравственному развитию. Юридическое образование, связанное с нравственными ценностями, является ключевым для укрепления демократических основ государства, поэтому важно сочетать теоретические знания и воспитательную функцию, чтобы готовить ответственных граждан, способных поддерживать правовые идеалы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (по сост. на 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.10.2024).
5. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2014. № 151.

6. Постановление Правительства от 9 августа 2023 г. № 1302 «О реализации пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования». URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 18.10.2024).
7. Агузумцян Р. В., Хачатрян Н. Г. Изучение феномена духовности в контексте религиозного знания и психологической науки // Национальный психологический журнал. 2012. № 1. С. 74–80.
8. Асканова О. В., Казанцева Ю. В. Знаниевая и компетентностная парадигмы образования: чему под силу решение модернизационной задачи? // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 200–205.
9. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. -№ 6 (119). С. 26–29.
10. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ: ИНФРА-М -НОРМА, 1998. 324 с.
11. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 167 с.
12. Демидов А. А., Третьяков А. Л. Петербургская модель этико-правового образования детей и молодежи: некоторые подходы к процессу формирования правовой культуры личности // Управленческое консультирование. 2016. № 5. С. 146–148.
13. Дольникова Л. А. Конституционное право на образование советских граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1984. 34 с.
14. Зубова Я. В. Правовое образование как фактор становления новой правовой культуры в России // Вестник Адыгейского гос. ун-та (Майкоп). 2009. № 2. С. 88–92.
15. Карасартова М. М., Косенко Т. С. Роль правового образования (воспитания) в становлении правовой культуры // Философия образования. 2012. № 1. С. 210–217.
16. Климович Л. П., Логинова Н. Г. О формировании проектных компетенций в процессе образовательной подготовки юристов (на примере Сибирского федерального университета, г. Красноярск) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 101–104.
17. Козлова Д., Галанина А. Выбор будущей профессии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2017. Т. 7, вып. 6. С. 915–918.
18. Кокая Э. Т. Двери в профессию: профориентация студентов и развитие карьеры выпускников. 17 февраля 2023 // Юрайт. URL: <https://urait.ru/news/2743> (дата обращения: 31.12.2023).
19. Платон. Апология Сократа / пер. М. С. Соловьева. // Суд над Сократом. Сборник исторических свидетельств / сост. А. В. Кургатников. СПб. : Алетейя, 1997. 453 с.
20. Переход на новую модель высшего образования в России планируется с 2025 года. URL: <https://rsr-online.ru/news/2023/5/19/perehod-na-novuyu-model-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-planiruetsya-s-2025-goda/> (дата обращения: 18.10.2024).
21. Ректор ТГУ: новая модель образования учитывает запросы времени и рынка. URL: <https://news.tsu.ru/> (дата обращения: 18.10.2024).
22. Субботина Т. Н., Петрова Т. Ю. Управление качеством образования: методологический аспект // Дневник науки. 2023. № 5 (77). С. 31–33.
23. Токарева С. Н. Юридическое образование: вызовы нового времени // Образование и право. 2022. № 9. С. 182–185.
24. Фомичев И. А. К вопросу об идейных истоках современной демократической традиции // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 484–525.
25. Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения. М., 2000. 454 с.
26. Юрицин А. Е. Качество юридического образования: взгляд сквозь призму социального благополучия педагога // Вестник Университета «Кластер». Электронный научный журнал. 2022. № 3 (3). С. 114–1117.